

*Но благородная ненависть наша
Вместе с любовью живет.*

Владимир Высоцкий

На задворках помпезного Дома Советов, что на Пресне, у приземистого служебного здания, почти скрытого глянцевою листвою тополей, прямо под входной дверью лежал внушительного размера коричневый баклажан. Впрочем, если строго придраться к форме, предмет этот не совсем походил на слегка подпорченный тлением упомянутый овощ оттого, что неистовый напор, с каким он был в белый свет высажен, завернул почти полный овал, и загогулина всё же больше смахивала на сильно распухшую коляску краковской. Досужий прохожий, окажись он в этом месте сумрачным утром, до появления трудяги дворника, в недоумении поскрёб бы пятернёй затылок: кто побывал здесь, чтобы оставить на всеобщем обозрении столь недвусмысленный аргумент? Брутальный снежный гуманоид? А может, таким способом пометил свою территорию дерзкий и неуловимый йети? Здравый смысл нудно нашептывал, что творением слабых сил человеческих это никак не могло быть – не тот калибр. Тогда, черт возьми, кто же? Но тут наш пытливый виртуальный прохожий задумался бы основательней – и тотчас картина недавних дней и ночей зримо всплыла бы перед его глазами: нервная сумятица толпы, злобный ор тысяч глоток, утробный рык танковых дизелей да зловещий лязг стальных гусениц. По счастью, до обильной кровавой клюквы дело тогда не дошло. И сразу привиделось бы прохожему, как один из отчаянных апологетов счастливого будущего, на минутку покинув ощетинившуюся баррикаду, по-сайгачьи заскакивает за случайный угол, чтобы оставить здесь свой пахучий, дымящийся

нутряным паром след. А в шальные судьбоносные моменты, как известно, широко раскрывается телесная чakra, и тогда даже самый никчемный в каждодневной суете человек может выкинуть весьма выдающийся фортель.

* * *

Обширное трехцветное полотнище хлопало на ветру, словно живое рвалось из рук демонстрантов. Людские головы при взгляде с высоты птичьего полета – будто черная зернистая икра на гигантском ломте площади, и, чудится, вот-вот раскроет свой изящный ротик госпожа История, дабы сглотнуть в очередной раз столь лакомый шмат. А нынче так много высыпало народу, чтобы проводить героев в последний путь: три грузовика с откинутыми бортами, на которые монументально воздвигнуты гробы, а за ними, растянув во всю гулливерову длину державное знамя, волной течет молчаливая толпа...

Гордей узрел эту картинку в прямой трансляции на первом телеканале. Едва услышав трагический голос комментатора, он, не раздумывая, заскочил в купе вагона, будто навсегда приржавевшего к рельсам железнодорожного отстойника, что позади Ваганьковского кладбища.

В крохотном помещении теснились милицейский старлей и той же службы сержант, было жутко накурено, однако никто, казалось, не замечал наглухо задраенного окна. На откидном столике стоял переносной телевизор «Юность» с выдернутыми на полную длину усами антенны, но все равно изображение временами плавало, кривилось, сплющивая или растягивая церемонию траурной процессии.

Стражи правопорядка повернули головы в сторону Гордея и недоуменно уставились на него:

— Ты как сюда попал, малый?

— Ваши надсмотрщики пропустили. Да что вы, тащ-сташнант, в такой день...

— Ладно, чего надо?

— Где сейчас идут похоронщики?

— По Садовому кольцу. А тебе это зачем?

— Исторический момент! Хочу хоть одним глазком взглянуть на героев вблизи, потому как во время путча ни в чем поучаствовать не пришлось. Не вовремя послали в командировку за полтыщи верст от златоглавой.

— Ну-ну, тогда ошиваться тебе здесь нечего. Дуй к главным воротам кладбища, пока не поздно.

Гордей соскочил с подножки. В сторонке, на засыпанной щебнем обочине его с нетерпением поджидали, переминались с ноги на ногу Колька-танкист и еще одна приبلудная дамочка.

Колька, дружок, в свое время выполнял интернациональный долг в Афганистане, сидел за рычагами легендарной «шестидесятдвойки». Ухарски рассказывал, как однажды в предгорьях Пули-Хумри пришлось стальными гусеницами раскатать в блин дюжину драпавших бородачей. Утром, когда собирались на траурное мероприятие, Гордей присоветовал ему нарядиться в парадный китель, на котором серебряным кружком блестела медаль «За отвагу».

Дамочка же, пятидесятилетняя преподавательница столичной консерватории, пристала к ним как банный лист еще в пестрой толчее Манежной площади...

У кованой оградки Александровского сада, выслушав траурную речь Президента Страны, оживленно галдели:

— Что теперь с этими говнюками сделают?

— С кем?

— Да с путчистами.

— А что с ними делать? Прислонить к стенке да шлепнуть. Один вон уже не стал дожидаться мести народной – сам закатал себе пулю в лоб!

— По-хорошему, развесить бы их на ёлках у Кремля, как праздничные гирлянды. Да ведь опять разведут бодягу господу гуманисты.

Гордей осматривался вокруг – согласно драматическому моменту, лица сограждан были сплошь сосредоточенные, а некоторые даже густо заретушированы неподдельной скорбью. В голове эхом звучал глуховатый, с мягким южнорусским «гэканьем» спич Президента Страны – что-то в его тембре проскальзывало будто неискреннее.

— Николай, как думаешь, ему взаправду было трудно говорить, «глядя в мертвые лица павших героев»?

— Кому? Меченому? Врет, наверняка! Ты видел, какой густой малиной налилась у него отметина на лбу? Это неспроста. Это, как гуторят хохлы, пэрший óзнак брэхни.

— Вот-вот. Еще нужно докопаться, не спецом ли он загодя свалил на югá, чтоб, в случ-чего, не вешали на него собак, коль вдруг заварушка не срastётся. А сам-то, небось, в одной упряжке с путчистами сайгачил!

— Угу, я тоже прикидываю, что без его зачина здесь никак не обошлось. Уж больно он противный да скользкий – и нашим, и вашим.

— Слышь, Колян, вдруг в бестолковке мелькнула шальная мысль: а не мотануться ль нам к кладб́ищу? А то здесь народу чересчур много, никак к домовинам усопших героев не протолкаться.

— А ты что непременно желаешь узреть мертвецов вплотную?

— Ну, а як же! Как-никак, на наших глазах история лепится. Старпёром потом будешь вспоминать.

— Это уж наверняка. И чую, у тебя созрел какой-то конкретный план?

— Само собой. Сейчас мигом подскочим на таксомоторе к Ваганьковскому погосту. Если там ментовское